

Касымов Я.

УДК 5716.01:5717.01

**СОВЕТСКИЙ РЕНЕССАНС И ШЕСТИДЕСЯТНИКИ
(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ РУССКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ
ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ)**

***Аннотация.** В статье «Советский ренессанс и шестидесятники» рассматривается своеобразие поэтического процесса 1960-х годов. В этой связи данная проблема впервые рассматривается через призму творчества молодого поколения литераторов. Предпринимается попытка обобщения произведений в контексте советской литературы. По этой причине в процессе исследования имеют место ссылки на поэзию таких известных азербайджанских и русских шестидесятников, как А. Керим, М. Араз, Х. Улутюрк, В. Самедоглы, Ф. Годжа, а также Е. Евтущенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский, Н. Рубцова и т.д. Освещаются основные контуры творческих идеалов нового поколения литераторов. Здесь также анализируются поэтический генезис поколения литераторов, поэтические истоки шестидесятников. Отмечается, что эти литераторы были непосредственными продолжателями традиции корифеев поэзии XX века. Подчеркивается историческая закономерность поэтических сочинений молодых поэтов, а также делается акцент на незыблемость духовных связей между поколениями. Таким образом, нами прослеживается траектория художественного развития в описании шестидесятниками жизненных и природных коллизий, усовершенствование ими анализа при изображении общественных контрастов. Любопытно, что именно шестидесятники были первыми, кто обрел место на нетрадиционных и далёких от национальной сущности категории, как родина, народ, духовное существо, национальное прошлое и будущее, национальная история и т.д. Здесь также прослеживается процесс зарождения и эстетического фиаско культа поэтического «мы», что повлекло за собой изменения, эстетические преломления в системе образов. В действительности, художественные системы, зародившиеся на основе лирического «мы» и лирического «я» коренным образом отличаются друг от друга. В ходе изучения настоящей проблемы автором делаются попытки сравнительного анализа и обобщения процесса зарождения, падения культа поэтического «мы», возникновения эстетического комплекса лирического «я». Детально исследуются этапы формирования и особенности нового трагического стиля. Для этого используются ссылки на стихи авторов, относящихся к плеяде упомянутого периода. На основе поэтических примеров подчеркивается самобытность данного процесса. Обобщаются незыблемые художественные заслуги шестидесятников в процессе прогресса национально-эстетического мышления, даётся общая оценка поэтическим течением 1960-80-х годов.*

***Ключевые слова:** эстетический идеал, шестидесятники, литература.*

***Анотация.** У статті «Радянський ренесанс і шістдесятники» розглядається своєрідність поетичного процесу 1960-х років. У цьому зв'язку дана проблема, яка вперше розглядається через призму творчості молодого покоління літераторів. Робиться спроба узагальнення творів в контексті радянської літератури. З цієї причини в процесі дослідження важливе місце займають посилання на поезію таких відомих азербайджанських і російських шістдесятників, як А. Керім, М. Араз, Х. Улутюрк, В. Самедогли, Ф. Годжа, а також Є. Евтущенко, А. Вознесенський, Б. Ахмадуліна, Р. Рождественський, Н. Рубцова і т.д. Висвітлюються основні контури творчих ідеалів нового покоління літераторів. Тут також аналізуються поетичний генезис покоління літераторів, поетичні витoki шістдесятників. Відзначається, що ці літератори були безпосередніми продовжувачами традиції корифеїв поезії XX століття. Підкреслюється історична закономірність поетичних творів молодих поетів, а також робиться акцент на непорушність духовних зв'язків між поколіннями. Таким чином, нами простежується траєкторія художнього розвитку в описі шістдесятниками життєвих та природних колізій, удосконалення ними аналізу при зображенні громадських контрастів. Цікаво, що саме шістдесятники були першими, хто прирік себе від нетрадиційних і далеких від національної сутності категорії, як батьківщина, народ, духовна істота, національне минуле і майбутнє, національна історія і т.д.*

Безпосередньо простежується процес зародження і естетичного фіаско культу поетичного «ми», що спричинило за собою зміни, естетичні заломлення в системі образів. В дійсності, художні системи, які зародилися на основі ліричного «ми» і ліричного «я» корінним чином відрізняються один від одного. В ході вивчення цієї проблеми автор робить спроби порівняльного аналізу і узагальнення процесу зародження, падіння культу поетичного «ми», виникнення естетичного комплексу ліричного «я». Детально досліджуються етапи формування та особливості нового трагічного стилю. Для цього використовуються посилання на вірші авторів, що відносяться до плеяди згаданого періоду. На основі поетичних прикладів підкреслюється самобутність даного процесу. Узагальнюються непорушні художні заслуги шістдесятників в процесі прогресу національно-естетичного мислення, дається загальна оцінка поетичним течіям 1960-80-х років.

***Ключові слова:** естетичний ідеал, шістдесятники, література.*

***Summary.** The article “Soviet Renaissance and sixtieths” underlines peculiarity of the poetic process in 60s and that this problem is for the first time generalized in this research work based on general creativity of literary generation. For this reason reference to works of the prominent Russian sixtieths like Yevg.Yevtushenko, A.Voznesenski, B.Akhmadulina, R.Rojdenstvenski, N.Rubtsov alongside with the prominent Azerbaijani sixtieths A. Kerim, M. Araz, Kh.R.Uluturk, F.Goja, V.Samadoglu and others are grounded in this research work.*

Poetic manifests and literary desires of Azerbaijani and Uzbek sixtieth are analyzed in the first chapter titled “New poetic ideas of the sixtieths”. Main contours of poetic ideal are shown in the poems “My poem”, “Poem of mine”, “Poet”, “Poetry”, “Poetry” which belong to the pen of young poets. The article speaks about the origin of sixtieths and their being direct followers of such masters of 20th century. Tens of young sixtieths poems, dedicated to these literary figures, obviously exhibit unbreakability of spiritual relations between the

generations. Evolution of the aesthetics world outlook of young generation is reflected in the poems describing relations between human and nature, nature and seasons of human life. Thus we observe the movement of poetic thinking from description of live and natural contrast towards analysis of social reality in the first lyrics of the young sixtieths.

One of the main problems conditioning artistic peculiarity of new generation in the fifth chapter titled "New location of poetic thought" is process of transition from Political-Geographical Motherland to National Motherland, in other words, from Ideal-Political Motherland to Native Real Motherland, lighted in the works of the brightest representatives of two brother poetry. The conception of New Motherland, evidenced in the lyrics of such grand talents as A. Kerim, M.Araz, Kh.R.Uluturk are analyzed based on characteristic samples.

In the article is analyzed total change of the attitude to aesthetic understanding and categories existing in literature in the result of transition to the system of new imaginative comprehension and strengthening of newly qualified aesthetic principles in poetic creativity. Young sixtieths firstly rejected such notions of non-traditional and non-national aesthetic content such as Motherland, People, moral unity, national past and future, history etc. as well as an absurd and an abstract notion of 'Soviet people'. Establishment of poetic 'we' cult and its aesthetic break-up, changes took place in the system of image on this basis, aesthetic revolutions and other scientific problems are analyzed in the sixth chapter titled 'Aesthetic changes of main lyrical image' Artistic systems founded on lyric 'we' and lyric 'I' differ from each-other to serious extend; establishment, break-up of poetic 'we' cult, emergence of lyrical 'I' aesthetic complex is generalized on the ground of comparative analysis. One of important innovations enlivened by plead and brought to poetry – putting an end to 40 years dictatorship of joy and happiness, unnatural carelessness - are examined in the article. Stages of formation and specifications of new tragic style, based on analysis of tens of big poems written by the plead, are deeply analyzed in the book and specifications of this process are described via specific examples. Not only unrepeated artistic services of the poetic process of 60-80s, and of the sixtieths in particular, in growth of national-aesthetic thinking, but also its role and position in improvement of national and humanist thinking are generalized in the article based on ideas and views of the prominent representatives of universal theoretical-aesthetic thought. The article definitely shows innovations brought by the sixtieths to their culture of national poetry and the system of artistic thinking, their main artistic reforms and revolutionary changes they apply bravely in literary life based on separate scientific-aesthetic provisions and generalized synopsis. It also underlines that enlivening of traditions in national-artistic thinking by the sixtieth, joining the ties between literary era and generations and restoration of thousand year long connection are among the most of their important inputs and services.

Keywords: *New aesthetic ideal, sixtieths, A. Kerim, M. Araz, Kh.R. Uluturk, Yevg. Yevtushenko, A. Voznesenski, R. Rojdenstvenski.*

Любое новшество художественного слова начинается с перемен в сущности и характере его героя. А новый герой – это уже следующий этап в развитии художественного мышления. Если говорить точнее, новый герой – это первое знамение качественных изменений в художественном процессе. Новые творческие принципы и эстетические нормы всегда формируются требованиями характера нового героя. В этом смысле высказывание «новая литература начинается с нового человека» (И. Бехер) имеет важное значение, так как художественный герой является основным общественно-эстетическим критерием, выражающим отношение литературы к жизненным истинам, конкретной реальной действительности в контексте времени и пространства. Другими словами, мировоззрение и сущность литературы характеризует её главный герой.

Шестидесятники засверкали на небе поэзии как утренняя звезда в конце 50-х и начале 60-х годов прошлого века. Представители этой плеяды являются одними из самых знаменитых и «боеспособных» поколений прошлого столетия. Среди близких и далёких по времени поколений их можно сравнить разве что с художниками, творившими в тридцатых годах. Однако и такое сравнение не совсем полноценно. Дело в том, что в литературоведении термин «тридцатники» так и не смог полностью сложиться и не нашёл широкого распространения в литературном пространстве бывшего Союза. Поэтому он так и не стал ходовым эстетическим выражением. А термин «шестидесятники» уже давно получил широкое распространение в научной литературе и стал частью теоретической практики. Между этими двумя поэтическими этапами немало точек типологической общности, а также и противоположностей. Сближающий их главный типологический признак – приход обоих поколений в литературу с решимостью изменить и обновить мир художественного мышления. Однако в вопросах, касающихся методов по выполнению этой миссии, они резко отличались друг от друга. Вернее, эстетические цели этих двух поколений были совершенно противоположны. С другой стороны, общественно-политическая обстановка и среда также действовали на этих мастеров пера. Поэтому при выполнении цели, связанной с осуществлением грандиозной общенациональной культурно-нравственной перестройки, между ними возникли радикально отличающиеся друг от друга особенности. При этом больше всего роднит тридцатников с шестидесятниками их протестный и бунтарский настрой. Первые отвергали предшествующий тысячелетний классический культурный опыт, а вторые попытались сделать то же самое в отношении литературы, созданной в последние 40-50 лет под влиянием и по указке советского режима. Тридцатники не принимали классическую культуру, ставили перед собой цель создания совершенно новой художественной системы. Шестидесятники же хотели вернуться к классическому литературному наследию и возродить национальную литературную традицию. И с этой целью они желали устранить из мира искусства фальшивые эстетические реалии, созданные советской системой, отказаться от них навсегда. Отличались эти два поколения не только целями, которые они ставили перед собой, далекой от идентичности была и среда, в которой они жили и творили. Тридцатники действовали под диктовку и при поддержке советской социалистической системы – новообразованной диктатуры пролетариата. Шестидесятники же, естественно, были лишены такой заботы и внимания. А причина заключалась в том, что квинтэссенцией и ядром их художественного идеала было отрицание этой системы и стремление к национальной независимости, невзирая на все трудности, возникающие на их пути. Справедливости ради

**СОВЕТСКИЙ РЕНЕССАНС И ШЕСТИДЕСЯТНИКИ
(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ РУССКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ)**

должны отметить, что уже в 60-е годы вслед за знаменитым съездом Коммунистической партии (1956) советская репрессивная машина в значительной степени лишилась своей прежней мощи. Уже публично не расстреливали поэтов за любовь к своей Родине и нации. Хотя молодые писатели с первых же шагов в области литературы на своих хрупких плечах стали ощущать громадную идеологическую тяжесть сверхдержавы. И шестидесятникам пришлось в течение всей жизни оберегать свои бойцовские и бунтарские натуры от прессинга данной тяжести. Все свои художественные реформы, поэтическую революцию они осуществили мужественно, невзирая на все боли и горечи, порождаемые данными обстоятельствами.

Несмотря на все различия между указанными поколениями, необходимо особо отметить одно неопровержимое обстоятельство, которое их объединяло, и было характерно для шестидесятников; они родились из пепла сожжённых мечтаний тридцатников. Шестидесятники были отзвуком подавленных, затоптанных голосов поэтической юности тридцатых годов. Если следовать формальной логике, приемниками поколения тридцатых непосредственно и естественным образом должны считаться сороковники и пятидесятники. Но по диалектической логике самыми родными и близкими последователями тридцатников были именно шестидесятники. Новая молодёжь с нежными чувствами вспоминала «потерянную» в общественно-политических бурях и катаклизмах юность. Шестидесятники слышали легенд и преданий об их доблести, любви и заблуждениях. «Трагедия веры» казнённой юности, несмотря на прошедшие годы, оставалась в памяти и сердцах людей всё ещё свежей и неугасимой. Павшие за любовь и веру нашли себе прибежище в сердцах и памяти людей, создали почву для следующих поколений на негласное, бессловесное общение и соучастие. Шестидесятники вспоминали эту пламенную и наивную юность предшественников такими словами: «Помню, мне говорили, что на свете был один прекрасный поэт Мушфик» (А. Керим). Шестидесятники воспевали лидера того разочарованного поколения как солнце поэзии. Халил Рза Улутюрк называл его «Полувосходившим солнцем». Мамед Араз же осуждает этих мракобесов – убийц, затмивших солнце поэзии, и пишет в честь и во славу тогдашней великой юности элегию «Обвинители солнца». Странно и то, что не только нравственный мир, но и эстетическое мировоззрение поэтической плеяды определили участь жертв той эпохи и того, что от них осталось. Иначе говоря, небытие породило бытие, из трагедии, скорби по безвозвратно ушедшим родились новые, непохожие на своих павших предшественников личности.

Считаем необходимым коснуться ряда факторов и признаков, сформировавших и характеризующих шестидесятников как поэтическую плеяду. Внимание привлекают своеобразные черты и особенности поколений, порождённые не только чисто поэтической необходимостью и процессом, но и естественным историко-биографическим ходом жизни. Те, кто даёт оценку эпохе, часто не принимают в расчёт в равной степени этим двум факторам. Часто большее значение придаётся первому из них. То есть, исходя из характера поэтического процесса, они пытаются рассматривать всех активных участников его как движение, имеющее однородный состав и статическое мышление. Дело в том, что иногда даже профессиональные литературоведы затрудняются представить и определить в полной мере качество и признаки, которые сформировали шестидесятников как литературное поколение. Так как отождествлять молодых авторов, вступивших на путь литературы в 60-х годах, с опытными мастерами пера, подошедшими к новому этапу в своём творчестве, и причислять их всех к одному и тому же художественному поколению было бы не верно с точки зрения эстетической реальности. Нельзя не учитывать особенности, обусловившие специфически художественный мир шестидесятников; на первый взгляд они кажутся ничем непримечательными, однако при внимательном рассмотрении они оказываются сущностными. Отмеченные нами признаки характерны не только для поэтического поколения и поэтического движения одной страны. Можно сказать, что во всём литературно-культурном пространстве бывшей советской империи, начиная с 60-х годов прошлого века, наблюдался художественный подъём, так как в области литературы стало одновременно творить новое, воинственное поколение. Однако во всех этих поэтических процессах заметно выделялись литературно-нравственные и национально-исторические художники слова, которых называют шестидесятниками. Какие же существенные признаки отличали их от других участников грандиозного и сложного поэтического процесса? Какие же это были черты и особенности, которые у других современников и участников поэтического процесса либо не выделялись, либо же вообще отсутствовали?

Прежде всего, следует отметить, что поэтические биографии и гражданские автобиографии, а также другие художественно-биографические параметры в основном имели аналогичный характер: эти люди, все лидеры и активисты плеяды родились в 30-х годах прошлого века. Массовая резня и жуткие репрессии оставили неизгладимые следы в сознании и памяти этих тогда еще детей. Для них, испытавших на себе невероятные превратности и тяготы судьбы, не менее страшным бедствием стала и мировая война, последовавшая сразу после страшных репрессий. Следовательно, большинство из шестидесятников очень рано потеряли своих родителей и детское счастье. Они были детьми тех, кого убили и казнили в 30-х годах, или теми, кому родители в качестве реликвии оставили клочок бумаги в виде похоронной весточки. Нет нужды доказывать, что у них, с первых дней появления на свет ставших свидетелями кровавых бедствий и войн, естественно должны были формироваться отличные от других, свойственные только им самим мироощущение и мировоззрение. Эти дети по сравнению с другими, которые всего на 5-6 лет были старше их, относились к жизни более чутко. В их девственной, чистой детской памяти слишком «взрослая жизнь» оставила болезненные следы. А с жизнью, привычной для взрослых и с которой «примирились» взрослые,

эти дети примириться не могли. Такое своеобразное рождение и определило специфику мышления этого поколения.

Жизнь и судьбы имеют странные контрасты. Если биологическое рождение этого поколения совпало с периодом массового истребления людей, их отроческие и молодые годы пришлись на кратковременный период оттепели последовавший после смерти Отца народов. Миру стали известны бесчисленные и невообразимые ужасы самой громадной империи мира, и самое большое воздействие это оказало на молодых и впечатлительных мастеров пера. Поэтический почерк и эмоционально-стилевое своеобразие шестидесятников были определены, обусловлены именно этими неоспоримыми жизненными факторами.

Не имеющая аналогов общественно-политическая эпоха и неповторимый переходный период обрели вечность в виде своеобразных образов в лирике нового поколения. Соприкосновение с изменяющейся социальной действительностью и новыми формами общения давали возможность молодым поэтам обрисовать контуры свежих эстетических отношений и форм отображения. Отказ от широко распространённого в то время и занимающего главенствующее положение «способа оптимистического отображения» жизни общества и происходящих в общественном бытии перемен, а также переход к совершенно новой форме отражения действительности – к «средствам трагико-драматического отображения»¹ (Эдуардас Межелайтис) были ещё одной исторической заслугой литераторов Новой волны. В основе грандиозных эстетических новшеств, блестяще проявляющихся в творчестве шестидесятников – качественно нового способа художественного отображения, лирических конфликтов и контрастов, новых и свежих средств поэтического описания, образов и системы образов, бесподобных оборотов и выражений, семантико-логических комбинаций и словосочетаний, многих других поэтических открытий и находок стояли усилия именно молодых писателей старой системы эстетического отображения и переход ими к новой манере отражения и изображения. Начинающие пускать корни в европейской поэзии и прозе и определяющие поэтический почерк века такие психолого-эстетические тенденции как «трагедия веры в человека» и «трагический оптимизм» (Альбер Камю)² дошли до литератур народов Союза именно благодаря художественному мужеству и бесстрашию шестидесятников. Страсть к изображению и показу изнанки жизни в среде, где отвергались тенденции и опыт трагического отображения действительности, стала у молодых мастеров пера неодолимой нравственной потребностью.

Видный учёный-литературовед, член-корреспондент НАН Азербайджана Яшар Гараев, хорошо знакомый с творчеством шестидесятников, ещё в 70-80-е годы прошлого века пытался обобщить эстетические новшества и успехи этого литературного поколения, к которому относился и он сам. В этом плане живые и заставляющие размышлять соображения этого чуткого и трудолюбивого учёного, высказанные им в книге «Поэзия и проза» и сегодня сохраняют свою научную актуальность. Он пишет, что наряду с характерной идеей, размахом и масштабностью мысли эти стихи отличаются высоким уровнем и богатством культуры художественной формы. В нашей современной поэзии новый поэтический словарь, художественный синтаксис, сложность такта и ритма, признаки поэтического новаторства в ремесле слова нашли своё удачное выражение именно в этих стихах³.

Хотя создание поэтического культа «мы» и считается одной из основных заслуг тридцатников, его эстетический провал и такие комплексные эстетические перевороты, как изменение в системе образов, формирование новой системы образов впервые возникли непосредственно в творчестве шестидесятников и были новыми художественными качествами того времени. Ибо художественные системы, формируемые на основе лирических «мы» и «я», сильно отличаются друг от друга. И здесь необходимо особо подчеркнуть, что поэтическое высказывание одного из ярких представителей шестидесятников Евгения Евтушенко: - «Замена поэтического «мы» на поэтическое «я» в союзной литературе является одной из самых крупных заслуг нашего поколения», - дополняет представление о поэтико-исторической миссии плеяды.

Следует отметить ещё один немаловажный исторический фактор, обеспечивший шестидесятникам объединение в плеяду и общность. Наверное, впервые в истории мировой художественной мысли возникло подобное естественное и жизненное слияние. Действительно, время и масштабы отмеченного нами художественного подъёма были, в высшей степени, поразительными. Так как в составе единой, огромной, многонациональной и многоликой империи в одно и то же время на поле деятельности больших литератур выдвинулись мастера слова не менее 15 народов. Их всех объединяли единые эстетические цели, энтузиазм и творческий задор, формируя когорты литераторов общего направления. Во всех сферах мышления и искусства, науки и культуры, работая, творя в одном ряду с другими поколениями, шестидесятники всё же являлись передовиками. Учитывая именно это обстоятельство, видные шестидесятники Андрей Вознесенский и Вагиф Самедоглу назвали грандиозный и многосторонний культурный подъём 60-х годов «микроренессансом». И действительно, происходящее тогда в союзной литературе можно было оценивать как национальный ренессанс в подлинном смысле этого слова. Важными факторами, которые объединяли шестидесятников как одно поколение, можно назвать схожие биографии, начало творчества в почти идентичных общественно-политических условиях, служение одним и тем же эстетическим целям и т.д. и т.п. Помимо этого, следует отметить также схожие черты их побед и поражений, их общую радость и печали, а также то обстоятельство, что все они столкнулись с похожими препятствиями, и всем им пришлось парировать одни и те же удары. И всё это упрочило общность и своеобразные черты поколения. Интересно, что Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина в Москве и А. Керим, М. Араз, Х. Рза Улутюрк, Ф. Годжа, В. Самедоглу в Баку испытывали схожие трудности и

¹ Эдуардас Межелайтис. Контрапункты. – М.: Известия, 1972.

² Альбер Камю. Творчество и свобода: эссе. – М., 1990.

³ Яшар Гараев. Поэзия и проза. Баку: Изд-во Язычи, 1977.

СОВЕТСКИЙ РЕНЕССАНС И ШЕСТИДЕСЯТНИКИ
(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ РУССКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ)

притеснения. Русские шестидесятники в качестве художественного идеала воспевали А. Блока, С. Есенина, М. Цветаеву, А. Ахматову, Б. Пастернака. Заявляя: «Не продаётся Ахматова, не продаётся Пастернак», А. Вознесенский испытывал гордость за своих предшественников. Азербайджанские же шестидесятники возносили до небес М. Хади, Г. Джавида, Д. Джабарлы, А. Джавада, М. Мушфика и других авторов как смелых борцов за национальное раскрепощение. Молодые шестидесятники писали заубойные элегии в их честь. Они осуждали тех, кто затмил, заставил померкнуть эти яркие таланты. Словами «Я может и не полюбил бы Азербайджан, если бы он не вырастил таких сынов как ты!» (1962) шестидесятники обращались к своему учителю, расстрелянному в 1937 году молодому поэту Микаилу Мушфику.

Как было отмечено выше, цельность и общность шестидесятников как плеяды обусловили в первую очередь само их творчество и их поэтические биографии. Литературные чаяния и идеалы, ставшие для них общими горести и проблемы, любимые темы и образы, актуальные лирические конфликты, к разрешению которых они стремились, отношение к художественному слову и вообще к искусству, их первичные эстетические заключения – всё это очень хорошо резонировало, гармонировало и было созвучно у этой молодёжи, сочетаясь с их самобытной судьбой. В то же время сходство их поэтических биографий, взлёты и падения, наличие возможностей и их отсутствие, природа их борьбы и препятствий, стоящих перед ними – анатомия всего этого напоминает близость и взаимосвязь между близнецами. Все шестидесятники с глубоким уважением относились к национальному и интернациональному классическому наследию. В их ранней лирике особой привлекательностью отличаются произведения, посвящённые таким знаменитым общечеловеческим гениям, как Деде Горгуд, Низами, Навои, Физули, Шекспир, Гёте, Байрон, Пушкин, Лермонтов, Шевченко и др. С большим вдохновением они переводили на родной язык самые лучшие произведения восточной и западной литературы. Гениальный русский поэт Пушкин был одним из любимых адресатов и образов молодых шестидесятников. Их переводы Пушкина имели важное художественно-эстетическое значение, вместе с тем, производили впечатление своеобразного состязания в мастерстве с вечно молодым гением всех времён. Не только в русской и славяноязычной, но и в азербайджанской и узбекской поэзии судьбе, произведениям и героям Пушкина были посвящены десятки стихотворений. Было написано много стихов под заголовками «Пушкин», «Пушкину», «Перед памятником Пушкина», «Раздумья о Пушкине», «Обращение к Пушкину». Пушкин был идеальным лидером не только для ведущих представителей шестидесятников – Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского и других, но и для всех шестидесятников.

Своеобразие шестидесятников как плеяды характеризовало и то обстоятельство, что они осуществляли свою деятельность на стыке активных воздействий и давлений, направленных против них. Наличие общественно-политических давлений и сопротивлений и одновременно с этим безграничная любовь со стороны народа, огромной, бесчисленной массы читателей – всё это было источником, с одной стороны, крайне отрицательного, а с другой, невероятно положительного отношения к плеяде. В конце 50-х и начале 60-х годов в кипучей литературной среде Москвы такие гении прошлого столетия как Б. Пастернак, А. Ахматова, А. Твардовский были признанными покровителями молодого поколения. Не случайно, что их считали моральной опорой не только русской литературной молодёжи, но и всех шестидесятников бывшего Союза. Журнал «Новый мир», главным редактором которого был А. Твардовский, стал литературной трибуной нового демократического художественного фронта во всём огромном пространстве империи. Произведения самого сражающегося и бунтарского художника слова того времени А. Солженицына выходили на свет только на страницах «Нового мира». Конечно, в союзных республиках и речи не могло быть о широкомасштабной деятельности и храбрости, присущей А. Твардовскому. Но и здесь были свои Твардовские. И Пастернаком и Твардовским литературной среды тех лет в Азербайджане был поэт Расул Рза.

Устремления вглубь жизни, предпринятые шестидесятниками, предвещали рождение силы, способной коренным образом изменить не только литературу, но и саму жизнь. Новый лирический герой был носителем энергии, способной обновить художественно-эстетические вкусы времени и вообще всю систему общественно-нравственных отношений. А общий результат состоял в том, что молодёжь, вступившая на арену литературы с желанием изменить художественные идеалы и моду, вскоре обнаружила в обществе, к которому принадлежала и она сама, непростительные пороки. Дело преобразования литературы и творчества превратилось для этих людей в дело коренного преобразования общества. Превращение шестидесятников из подвижников и реформаторов эстетического ренессанса в силу, обновляющую общество, т.е. подвижников общественной революции произошло именно в процессе их творчества. Это было качеством, формирующим плеяду и ставшим её общим атрибутом. В истории литературы было мало литературных эпох и художественных систем, которые взяли бы под прицел устои государства и власти, которые мобилизовали бы все свои возможности для того, чтобы приблизить их крах. Плеяда шестидесятников именно как участников одного из таких редких литературных периодов заняла очень славное место в истории словесности и искусства. Охваченные гуманистическими порывами, помыслами и влиянием демократически настроенной русской поэзии, тогдашняя поэтическая молодёжь России и Азербайджана сыграла главную и решающую роль в формировании нравственных устоев национальной независимости своих народов.

Однако, начиная с 70-х годов различные условия, предъявляемые к художественному творчеству, оговорки, а также чинимые ему серьёзные препятствия не могли пройти бесследно для его эстетической природы. Часть литераторов нового поколения отошли от открытого и смелого отображения истины и оппозиционных настроений в отношении существующего политического строя. Другая же их часть были

вынуждены изменить способы художественного выражения и отображения. Так, участилось обращение к иносказаниям (читай между строк), многослойным метафорам, сложным и многозначным символам. Выход в творчестве шестидесятников на передний план своеобразных символических образов и вообще поэтического символического мышления был результатом отражения существующих общественно-политических давлений и воздействий на мир художественной мысли. Настоящие художники никогда не становятся на сторону злых деяний эпохи, не становятся добровольными свидетелями, а самое главное, соучастниками бесстыдной лжи, обмана и мракобесия. Как говорил один из многострадальных правозащитников XX столетия Александр Солженицын, нелжесвидетельствование само является подвигом. Гениальный русский писатель очень чётко и чутко определил отношение искусства слова к правде и лжи: «А писатели и художники могут сделать больше: они должны победить ложь! А в борьбе с ложью искусство всегда побеждало и всегда победит! Это ясно для всех как божий день! Ложь на свете может противостоять против многих вещей, но против искусства она не может противостоять. Вот почему когда ложь становится явью, насилие сразу обезоруживается и потерявшее мощь насилие обязательно потерпит сокрушение»⁴.

Эти соображения, глубоко раскрывающие природу и сущность художественного творчества, были весьма близки шестидесятникам. Не только такие мятежные поэты, как Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, В. Высоцкий, но и представляющие боевую азербайджанскую поэзию мастера слова - А. Керим, М. Араз, Х.Р. Улутюрк, как своим творчеством, так и в плане занимаемых общественных позиций и активного отношения к современной им действительности были единомышленны с А. Твардовским и А. Солженицыным. Академик Ю. Боров, обобщая свою творческую судьбу и судьбу шестидесятников, писал: «Моё поколение – один из лучших плодов XX в. и, вероятно, лучший плод великого эксперимента создания советской цивилизации и культуры со всеми его недостатками и достоинствами»⁵.

Индивидуальность и автономия представителей плеяды определили их дальнейшую судьбу. Можно с уверенностью сказать, что советская эпоха не дала возможности шестидесятникам полностью реализовать свой неиссякаемый художественный потенциал и энергию. Удивительно и то, что творческий подъём шестидесятников, приступивших к творчеству на волне грандиозной борьбы с советской эпохой, сходит на нет одновременно с крахом империи. И это остается в истории литературы как одно из невиданных явлений. Литература как мотылек стала жертвой ею же любимого пламени. Выдержавшее испытание временем известное выражение «литература в эпоху запретов процветает, на свободе же умирает» (Ж.П.Сартр) как будто было сказано в отношении именно шестидесятников. И вот этот скорбный последний аккорд также стал достоянием истории как одно из последних и незабываемых знамений эпохи шестидесятников.

В одной из своих последних и самых лучших статей о шестидесятниках Анар, обобщая свои мысли и чувства, связанные с этим великим литературным движением прошлого столетия, очень красиво и верно выразил свою поэтико-философскую и глубоко человечно-эмоциональную печаль по своему поколению и соратникам-современникам: «Булат Окуджава, Владимир Соколов, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Римма Казакова, Роберт Рождественский, Василий Аксёнов, Владимир Высоцкий, Иосиф Бродский – художники, прославившие шестидесятников... Жестокий приговор времени их всех до единого обрёл на неотвратимую гибель, фатальный ветер перемен унёс их всех одного за другим... Оставшийся в живых из этой когорты последний из могилок - это Евгений Евтушенко. Он является последним уцелевшим свидетелем неблагодарности современной эпохи по отношению к поколению шестидесятников. Это тот Евгений Евтушенко, чтобы увидеть которого при выходе из дома толпы людей становились в очередь и он тот, кто увидел и осознал, что следующее поколение тех же людей его практически не знает, он же тот, кто ныне тербит золу уже потухшего очага. Евгений Евтушенко, которому суждено было проводить в мир иной своих сверстников, друзей, коллег и женщину-поэтессу, которую он некогда любил и которой он посвятил свои самые нежные стихотворения, Евгений Евтушенко, попавший не на чужбину родины, а на чужбину времени»⁶.

Да, случилось именно так, что знаменитые мастера-художники, чье каждое выступление и стихотворение доходило и находило отклик даже в самых отдалённых окраинах империи, ушли в вечность своих национальных государствах тихо и без всякой помпезности. Поэты, перетерпевшие и пережившие бесчисленные муки, горести и страдания, самые мужественные, бесстрашные и самые известные личности своей эпохи в самые обычные дни истории покинули этот мир, и ушли в небытие как самые простые смертные. Вот ещё одна ирония судьбы: до окраин бывшей империи, которую в свое время бросали в дрожь и трепет их поэтические кличи и, которую приводило в смятение каждое произведение шестидесятников, вести о смерти этой бунтарской поросли так и не дошли. Неожиданный приход в литературу этих необычных поэтов и их невероятно обыденный уход – ещё один парадокс мира и эпохи.

Источники и литература:

1. Анар. Жестокость времени / Анар // Эдебият. – 2012. – Июль 21.
2. Боров Ю. Времена : сб. стихов / Ю. Боров. – Баку : Сабах, 2012.
3. Гараев Я. Поэзия и проза / Я. Гараев. – Баку : Изд-во Язычи, 1979.
4. Камю А. Творчество и свобода : статьи, эссе / А. Камю. – М. : Радуга, 1990.
5. Межелайтис Э. Контрапункты / Э. Межелайтис. – М. : Известия, 1972.
6. Солженицын А. Нобелевская лекция / А. Солженицын // Новый мир. – 1989. – № 2.

⁴ Александр Солженицын. Нобелевская лекция // Новый мир. – 1989. – № 2.

⁵ Боров Ю. Времена. Сборник стихов. – Баку: Сабах, 2012.

⁶ Анар. Жестокость времени // Эдебият. – 2012. – Июль 21.